

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

*А.Г. Здравомыслов**

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

Обсуждается проблема оснований периодизации социологии в современной России. Автор отвергает тезис о том, что советская социология 1960-х гг. не опиралась на отечественные традиции социологического мышления, а возникла в результате переноса на советскую почву сформировавшихся в западной социологии методов исследований. Он придерживается позиции Г.С. Батыгина и В.Н. Шубкина о преемственности социологического мышления в процессе формирования российской социологии благодаря сохранению и воспроизводству культурного и социального капитала.

В вышедшей за последние годы литературе, посвященной предмету социологии и границам этой области исследований и преподавания, можно найти самые разные трактовки рассматриваемого вопроса. Так, в учебнике А.А. Галактионова история российской социологии начинается со «Слова о благодати» митрополита Иллариона (XI век) (Галактионов 2002). И.А. Голосенко и В.В. Козловский основное внимание уделяют преподаванию социологии в дореволюционный период (Голосенко, Козловский 1995). Они вводят в научный оборот ряд новых имен, но останавливаются перед весьма насыщенной и напряженной дискуссией в социологических публикациях постреволюционного периода, опуская тем самым теоретические разработки и эмпирические исследования 1920-х гг. Б.М. Фирсов отчасти дополняет возникший пробел историей советской социологии в 1960-е гг. (Фирсов 2001). Ограничив себя таким образом, он не рассматривает проблему преемственности.

А между тем именно по этой проблеме возникла весьма обстоятельная дискуссия, вынесенная на страницы печати. В.А. Ядов полагает, что совет-

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проектов «Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам» (06-03-00056а) и «Границы и стимулы теоретизирования в современной российской социологии» (03-03-00073а).

ская социология 1960-х гг. не опиралась на отечественные традиции социологического мышления, а возникла в результате переноса на советскую почву сформировавшихся в западной литературе методов исследований (Ядов 1999). Однако ближайший его сотрудник, и он же главный редактор «Социологического журнала» Г.С. Батыгин сформулировал иную точку зрения, суть которой — в отстаивании преемственности социологического мышления (Батыгин 1998).

Анализируя материалы этой дискуссии, а также обращаясь к рассмотрению многообразия социологических направлений в современной российской социологии, автор настоящей статьи пришел к выводу, что вторая позиция, представленная Г.С. Батыгиным, более конструктивна хотя бы потому, что она дает возможность глубже понять значение советского периода в становлении социологии. Еще более основательно проблему преемственности в российской социологии и социальном мышлении рассматривает В.Н. Шубкин (Шубкин 1996).

Разрывы в преемственности социологии в России обусловлены прежде всего политическими причинами, а процесс преемственности осуществляется благодаря сохранению и воспроизводству культурного капитала. В таком понимании преемственность — весьма сложный процесс, который не всегда может быть зафиксирован эмпирически. Культурный капитал может передаваться от поколения к поколению очень непростым путем, который отнюдь не всегда обеспечивается наличием кафедр и учебных дисциплин. Кроме того, культурный капитал может передаваться через годы и десятилетия благодаря внеинституциональным формам социализации. Ознакомление с соответствующей практикой предшествующих поколений оказывается возможным благодаря истории социологии. Сама преемственность в этом случае понимается как восприятие прошлых научных идей в их историческом, научном и культурном контексте, как выявление смыслов пережитых теоретических конструкций для современности. Таким образом, так же как и в искусстве, обеспечивается селекция определенного круга идей, авторов, произведений и выход их за пределы хронологических рамок.

Разумеется, преемственность может осуществляться полнее, если она связана со стабильностью профессии. Прерывность же обусловлена прекращением воспроизводства профессиональных кадров. Как правило, это происходит в силу причин политического или идеологического характера. В силу этого представляется несомненным, что мы сталкиваемся здесь с задачей социологического объяснения способов социального мышления или, более узко, с задачей построения «Социологии социологии» как нового исследовательского направления для социальной науки в современной России. Решение данной задачи предполагает прежде всего вычленение основных этапов в развитии российской социологии; при этом каждый из этапов, образуя некоторый замкнутый цикл мыслительной деятельности, может быть представлен с точки зрения борьбы и аккумуляции идей и направлений, становления институтов и личных судеб российских социологов. Решение подобных задач позволяет по-новому подойти к дискуссионной проблеме пре-

емственности и прерывности в истории российской социологии. Разумеется, обозначенные задачи выходят далеко за рамки настоящей публикации. Здесь мы наметим лишь некоторые контуры решения поставленных проблем.

Итак, основные этапы развития российской социологии можно представить в следующих этапах:

1. Первоначальные варианты социологического мышления (середина XIX в.).
2. Противостояние народничества и марксизма в социологии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.).
3. Переход от полемики к идеологической монополии (1917 – конец 1920-х гг.).
4. Период сталинской догматики (1929–1953 гг.).
5. Возрождение социологии в 1960-е гг. (1958–начало 1970-х гг.).
6. Институционализация социологии и ее распространение (1970-е – 1980-е гг.).
7. Плюралистическая социология 1990-х гг.

Важно заметить, что какова бы ни была преемственность или прерывность в системе преподавательской и исследовательской деятельности, следы каждого из периодов сохраняются в социальном мышлении. Несмотря на декларируемое стремление к «зарубежным образцам», и в 1990-е гг. сохраняется приверженность к сталинской догматике, поскольку ни один из «этапов» не исчезает бесследно. Как правило, эти «следы» передаются внеинституциональными путями. Более благоприятный пример — сохранение влияния первоначальных вариантов социологического мышления в России.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы дать сжатую характеристику каждому из этих этапов.

1. Первоначальные варианты социологического мышления (середина XIX в.)

Начальный этап становления социологического знания в России, как и в странах Западной Европы, связан с возникновением светского мировоззрения. С этой точки зрения А.И. Герцен (1812–1870) выступил как первый российский социолог. Для самого себя и для будущего читателя он сознательно фиксирует время своего разрыва с религиозным мировоззрением. Однако это не единственная черта, которая вынуждает принять способ мышления Герцена в качестве социологического. Он создает целостную картину современного ему общества (как российского, так и европейского), при этом не повторяет тех теоретических схем, которые предложены его современниками Контом и Спенсером. Его понимание социального мира основано на его опыте и на постоянной дискуссии с теми, кто мыслит иначе. Он открыт для восприятия новых идей об обществе и о человеке, и вместе с тем он готов изложить собственное понимание социальных проблем, не претендуя на окончательное решение всех вопросов. Способ его мышления перекликается именно с современными концепциями качественного знания, с феноменоло-

гическим исследованием «человека в обществе» и «общества в человеке»*. В 1840-е гг. А. Герцен — лидер западников. В 1850-е гг. он формулирует основные идеи русского социализма, которые на следующем этапе будут восприняты и переинтерпретированы несколькими поколениями народников. Обратим внимание на столь глубокое проникновение в пережитую Герценом эпоху и столь мощное воспроизведение ее смысловой насыщенности, что его наследие остается вплоть до нашего времени одним из наиболее ценных источников понимания российских и европейских реалий XIX в.

2. Противостояние народничества и марксизма (80-е гг. XIX в. – 1917 г.)

Следующий шаг в развитии российской социологии — после Герцена — связан с деятельностью П.Л. Лаврова (1823–1900) и Н.М. Михайловского (1842–1904) как лидеров народнического движения 1880-х – 1890-х гг.**

Одновременно в России формируется интерес к творчеству Маркса и марксизму. Полемика между народниками и социал-демократами о путях России занимает несколько десятилетий конца XIX – начала XX в. Каждое из этих направлений основывалось на собственном понимании того, что такое социология. Народническая литература опиралась на социологию, трактовавшую «общество вообще» в духе О. Конта и Г. Спенсера. Социал-демократия (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, позже — Н.И. Бухарин) использовала марксистское понимание общества, анализ его классовой структуры и выявление причин социальных изменений. Французская революция 1789–1793 гг., перепугавшая все монархии мира, стала для этого направления своеобразной моделью действия.

Все сознательные силы российского общества — в том числе и те, которые, как П. Сорокин, выступают на стороне определенной политической партии, — так или иначе вовлекаются в осуществление революционной драмы. Одни становятся победителями, другие — жертвами. Повторение Французской революции в России оказалось гораздо более кровавым и драматичным, а гражданская война продолжалась и после ее окончания в сталинском терроре.

Первый профессиональный российский социолог М.М. Ковалевский

* См. особенно: Герцен А.И. Былое и думы; С того берега. См. также: Берлин И. Герцен и Бакунин о свободе личности. Отрицание роли Герцена основывается либо на невежестве, либо на болезненном русофильстве. Исая Берлин поставил Герцена в ряд выдающихся европейских мыслителей XIX в. Кроме того, по мотивам «Былое и думы» наш современник английский драматург Том Стоппард написал пьесу «Берег утопии», основными действующими лицами которой являются Герцен и Огарев, Белинский, Тургенев и ряд других персонажей, составивших круг общения Герцена в лондонский период его жизни. Пьеса идет с успехом на сценах самых знаменитых театров Великобритании и США.

** Заметим, что Герцен не называл себя социологом, поскольку его стиль мышления был абсолютно самостоятельным. Лавров и Михайловский — первые российские социологи по самоназванию. Здесь и далее мы приводим лишь наиболее известные имена. Более подробная характеристика российской социологии дана в работах И.А. Голосенко — см., например: Голосенко, Козловский 1995. Близкая к излагаемому здесь подходу концепция представлена в кн.: (Козер 2004: 413–428).

(1851–1916) — профессор ряда европейских университетов, автор генетической социологии, член конституционно-демократической партии — скончался за год до начала революционных событий.

Дальнейшие судьбы социологии в России самым тесным образом сопряжены с продолжающейся классовой, партийной и внутрипартийной борьбой.

3. Переход от полемики к идеологической монополии (1917 – конец 1920-х гг.)

В целом это весьма содержательный период, демонстрирующий множественность интерпретаций современного общества. Здесь присутствует весь спектр направлений социологической мысли, распространенной в это время в западной Европе — от французского позитивизма Конта и Дюркгейма, немецкого неокантианства М. Вебера до марксистских идей, получивших в указанный период международное значение.

Ограничимся рассмотрением положения социологии на примере биографии двух российских социологов, работы которых получили достаточно широкое признание. Речь идет о Н.И. Бухарине (1888–1938) и П.А. Сорокине (1889–1968). В 1917–1922 г. оба активно участвовали в политической деятельности, но по разные стороны баррикад. Бухарин был одним из видных деятелей большевистского крыла российской социал-демократии. В эмиграции он написал ряд работ, из которых наиболее известны «Мировое хозяйство и империализм» (1915 г.), «Политическая экономия рантье» (написана до 1917 г., издана в 1917 г.); по возвращении в революционную Россию возглавил самую массовую газету «Известия». Бухарин написал первый рассчитанный на широкую аудиторию учебник по социологии «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (1921 г.), переиздававшийся многократно вплоть до 1929 г. В 1928 г. опубликовал «Заметки экономиста», в которых намечается расхождение с позицией Сталина по вопросу о соотношении промышленности и сельского хозяйства и о политике коллективизации. В 1929 г. выведен из состава высшего руководящего органа партии — Политбюро, в 1937 г. арестован по обвинениям в антипартийной деятельности, в марте 1938 г. расстрелян. Все произведения были запрещены вплоть до 1988 г., когда Бухарина реабилитировали.

П.А. Сорокин был в социологии учеником и преемником М.М. Ковалевского, по политическим взглядам — социалистом-революционером (правым эсером). В 1917 г. занимал должность помощника Керенского, последнего главы Временного правительства, свергнутого Октябрьской революцией. Являлся членом Учредительного собрания. За политическую деятельность неоднократно подвергался арестам как до Февральской, так и после Октябрьской революции (поскольку участвовал в подготовке восстания против большевиков). Освобожден от ареста и спасен от расстрела при содействии В. Ленина.

В своих публикациях П.А. Сорокин предсказывал крах большевизма. В 1922 г. он был выслан из России одновременно с группой философов, историков, представителей гуманитарных дисциплин, отказавшихся сотрудничать с новой властью.

ничать с советской властью. После высылки в течение года жил в Чехословакии, затем переехал в США, где основал социологический факультет Гарвардского университета (1931–1940) (один из его учеников — Р. Мертон). В США публикует свои основные работы. В 1990-е гг. в России активно переиздаются работы Сорокина, вышедшие в годы его жизни в Чехословакии и США, в том числе «Социальная мобильность» (1927 г.), «Социальная и культурная динамика» в четырех томах (1938–1941 гг.), «Общество, культура и личность: их структура и динамика; система общей социологии» (1947 г.), «Главные тенденции нашего времени» (1964 г.).

Сопоставление жизни и деятельности этих двух социологов позволяет сделать некоторые выводы, характеризующие положение социологии в первые годы советской власти. В течение нескольких лет после революции еще имелась возможность работать как марксистским, так и немарксистским ученым. После 1922 г. любые дискуссии с немарксистами прекратились, но все же вплоть до начала 1930-х гг. сохранялась атмосфера дискуссий среди социологов-марксистов в Коммунистической академии, в журнале «Под знаменем марксизма» и некоторых других изданиях.

4. Период сталинской догматики (1929–1953 гг.)

В 1929 г. в партии совершается идеологический переворот, в результате которого возникает формула «марксизм-ленинизм», и единственным человеком, который определяет критерии принадлежности к этой версии марксизма, становится И. Сталин. В 1938 г. опубликован канонический текст «марксистско-ленинской» (по сути дела — сталинской) философии и социологии, подлежащий изучению во всех партийно-советских структурах и в системе высшего образования. Сам термин «социология» в нем не употреблялся. Исторический материализм рассматривался в качестве философии истории и рамок интерпретации всей совокупности общественных явлений.

Базовой концепцией была теория стадий прогресса: закономерного движения человечества от низшей фазы (первобытно-общинного строя) до высшей (коммунистического общества) — через три промежуточные общественно-экономические формации (рабовладение, феодализм, капитализм). Каждая из последующих формаций представлялась как результат разрешения противоречий предшествующего этапа. В качестве основ динамики каждой из формаций рассматривались внутренние противоречия способа производства: между производительными силами общества, с одной стороны, и производственными отношениями — с другой *.

5. Возрождение социологии в 1960-е гг.

Изменение политической ситуации (1953–1956 гг.) после смерти Сталина создает предпосылки для возрождения профессиональной социологии и

* История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Научное послесловие Р.А. Медведева. М.: Логос, 2004. Можно предположить, что издание этой книги было своего рода ответом Сталина на гитлеровскую «Mein Kampf», ставшую после 1933 г. настольной книгой каждой семьи в Германии и превратившуюся в орудие мобилизации народа вокруг агрессивных национал-социалистических фобий немецкого фашизма.

автономизации ее поля на основе постепенного отхода научного знания от идеологии*, а культуры — от политики. В это время социология становится общественным движением, заявляют о себе социологи-шестидесятники. Их исследовательская работа оказывается важной составляющей общекультурного процесса этого яркого периода в жизни советского общества.

Наиболее типичным примером исследований шестидесятников является труд «Человек и его работа» (М., 1967). В книге впервые эмпирически зафиксирован уровень удовлетворенности/неудовлетворенности трудом у рабочих в промышленности, характерный для советского общества начала 1960-х гг. При этом в ходе аналитической работы появилось весьма оригинальное обоснование собственно социологического подхода в изучении отношения к труду, а именно, было предложено разделение факторов, гипотетически влияющих на отношение к труду, на общие и специфические. При этом к общим факторам мы отнесли все те обстоятельства, которые имели идеологический смысл: например общественная собственность на средства производства. Мы заявили, что эти факторы в рамках данного исследования нас не интересуют, поскольку они касаются в равной мере всех членов общества.

Иное дело — факторы специфические, связанные с реальным разделением труда в сфере промышленного производства или организации зарплаты. Именно последние и стали предметом изучения, что по сути дела предоставило важные аргументы в пользу изучения широкого круга социальных проблем. Задача такого рода исследований, опирающихся на богатый и систематизированный материал, состояла в том, чтобы сопоставить между собой идеологические формулы оценок тех или иных жизненных реалий и восприятие этих реалий на уровне массового или группового сознания.

В этом же направлении работали и другие вновь создававшиеся группы, позиционировавшие себя в социологической профессиональной сфере. С одной стороны, социологические коллективы возникали как некие острова не только в Москве и Ленинграде, но и по всей стране: Новосибирск, Пермь, Владивосток, Таллинн, Тбилиси стали вторым эшелонem профессионализации социологии. С другой стороны, создавалась неформальная сеть общения, основными составляющими которой были конкретные персонажи: Г.М. Андреева, Б.А. Грушин, Ю.А. Замошкин, И.С. Кон, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, Г.В. Осипов, З.И. Файнбург, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов и автор этих строк. Позже в эту группу вошла Т.И. Заславская.

Значительная часть этих социологов первого поколения наряду с талантом обладала влиятельным социальным капиталом — возможностями работать с учениками и последователями. Ситуация в данной среде была проникнута взаимопониманием и взаимной поддержкой. Общая идеологическая платформа, озвученная в некоторой совокупности текстов, состояла в обособлении от мира официальной философии (что вовсе не означало обособления от

* Этот процесс по свежим следам был проанализирован в работе Джорджа Фишера: *Science and sociology in Soviet society. Preface and part 1* / Ed. by G. Fischer. New York: Atherton Press, 1967.

марксизма) и в неперенной квантификации исследовательских процессов. Третий объединяющий момент состоял в открытости по отношению к миру, которая не была стеснена соображениями конкуренции в своей среде.

Несомненно, что жизненный путь шестидесятников во многом определился тем, что через их биографии прошла война*. Однако в это же время формируется жесткая оппозиция социологии благодаря официальному введению «научного коммунизма» в систему высшего образования.

Социологи-шестидесятники сыграли важную роль в стимулировании перестройки («Новосибирский манифест» Т. Заславской 1983 г.), в ходе которой были созданы предпосылки для развития социологии в стране. В конце 1980-х гг. социология стала предметом преподавания в системе высшего образования. В начале 1990-х гг. кафедры марксистской философии и научного коммунизма были закрыты (точнее, переименованы в кафедры социологии, политологии, культурологии). Был создан журнал «Мониторинг опросов общественного мнения по экономическим и социальным вопросам», открыты новые каналы профессиональной социализации.

Общие черты социологической деятельности шестидесятников можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, отвращение от философской риторики об обществе в целом, о самодвижущихся формациях и в противоположность этому — концентрация внимания на отношениях «коллектив—личность», поворот к исследованию реальных интересов социальных групп.

Во-вторых, научная смелость (по критериям тех времен) как в постановке вопросов, так и в поисках ответа на них. Некоторые авторы отказывались от ссылок на работы классиков, другие использовали эти ссылки в качестве общих формул, требующих верификации. Таким образом осуществлялось сопоставление идеологических оценок и реального положения дел в обществе. Этот метод означал выработку умения «пройти на грани дозволенного». В то же время социологи получали данные, указывавшие на необходимость коррекции идеологических оценок.

В-третьих, стремление выйти на мировой уровень развития, благоопределенные возможности открывались в связи с хрущевской оттепелью и включением советской социологии в систему мировой социологии.

В-четвертых, стремление осмыслить до конца те вопросы, которые ставили перед обществом документы и материалы XX съезда КПСС. Доклад Н. Хрущева, над которым работало Политбюро в полном составе, при всей кричащей остроте не содержал *теоретического* объяснения приведенных фактов. «Культ личности» стал как бы конечной теоретической формулой и рассматривался в рамках отклонения от подлинного марксизма. Поэтому возникало ощущение недосказанности, открывающее перспективы разрушения установленного консенсуса. Вопросы о более глубоких основаниях этого культа, включая общий уровень политической культуры в стране,

* Одна из самых ярких военных биографий социологов-шестидесятников принадлежит В.Н. Шубкину. См. «Социология войны». В книге этого автора «Пашкин подарок». (М.: РАН, Институт социологии, 1999).

необходимость подготовки к войне и сами последствия победы оставались открытыми *. Недодуманные вопросы превращались в темы внутренней работы. И здесь каждый шел уже своим путем.

В-пятых, опора на марксизм, в особенности ранний. Восстанавливаемый образ Маркса оставался своего рода символом интеллектуального бесстрашия, глубокой эрудиции и свободы мысли (Лапин 1968), а сталинская версия марксизма представлялась ущербной и убогой, рассчитанной на малограмотные слои населения.

Подавляющая часть интеллигенции рассматривала подлинный марксизм как решающее средство понимания действительности. Вот как об этом писал Г. Батыгин: «Уходя корнями в интеллектуальную традицию Просвещения и обнаруживая глубокое сходство с великими социальными учениями XIX в., марксизм обладает огромным объяснительным потенциалом. Ясность и логическая стройность его категориальных схем удивительным образом совмещаются со способностью к версификации. Этим, вероятно, объясняется и многообразие “авторских” исследовательских программ и концепций, разрабатывавшихся в рамках доктрины. Поэтому советский марксизм — не столько доктрина, сколько эзотерический код, значения которого зависели от интерпретативной позиции автора. Этот код мог успешно использоваться и в качестве средства для воспроизводства альтернативных марксизму идей» (Батыгин 1999: 12). Л.Г. Ионин считает ошибкой разрыв современного поколения российских социологов с марксизмом (Ионин 2005: 258).

6. Институционализация социологии и ее распространение (1970-е – 1980-е гг.)

Обозначенные выше свойства интеллектуальной деятельности социологов-шестидесятников представлялись крайне опасными тенденциями для определенной части руководящего звена партийного аппарата. От всех этих инноваций исходило некое ощущение угрозы. Это с очевидностью выявилось в 1968 г. ** В то время как в европейских странах и США этот год отме-

* Более основательную трактовку причин «культы личности Сталина» предпринял в 1972–1974 гг. Л.В. Карпинский. В своем незаконченном тексте «Слово есть дело» он предложил организовать общепартийную дискуссию по наиболее острым вопросам теории социализма и прежде всего по вопросу о характере власти. Этот вполне марксистский текст был изъят органами госбезопасности, а его автор исключен из партии, отстранен от исследовательской работы. Был восстановлен в КПСС в 1988 г., после чего вышел из партии добровольно. См.: «Дело Лациса-Карпинского». Карпинский Л.В. Из рукописи «Слово есть дело» // Пресса в обществе. М., 2002. С. 558–576.

** Всего за год до этого было принято Постановление ЦК КПСС «О задачах общественных наук», на основании которого в конце 1968 г. в АН СССР был создан Институт конкретных социальных исследований. Директором Института был назначен академик А.М. Румянцев, сумевший создать в этом институте творческую обстановку, которая сохранялась до 1972 г. См. более подробно: (Лапин 2005). В 1971 г. Румянцев был освобожден от обязанностей директора, через некоторое время на смену ему пришел М.Н. Руткевич, принявший на себя задачу пересмотра предмета социологии и кадров Института конкретных социологических исследований АН СССР (ИКСИ), за выполнение которой он взялся «с большим энтузиазмом».

чен студенческими революциями, породившими спрос на новые формы социологического мышления, социалистический лагерь переживал серьезный идеологический и политический кризис, связанный с силовым подавлением «пражской весны». Кризис был разрешен, вернее, отложен еще на двадцать лет *! Естественно было предположить, что и в СССР могут произойти аналогичные события. В целях их предотвращения и была организована «перетряска» ИКСИ АН СССР.

Этот поворот не походил на репрессии сталинского типа. По отношению к уже сформировавшейся группе социологов чисто эмпирически был применен метод «управления конфликтом». Почти все шестидесятники получили некоторые дивиденды в личном плане. Так, именно в конце 1960-х – начале 1970-х гг. они защищают докторские диссертации, становятся профессорами (но без кафедр). И в это же время происходит обновление кадров в ИКСИ АН СССР.

В самом конце 1960-х гг. было организовано обсуждение лекций Ю.А. Левады, которое по сути дела означало решающую веху в переломе ситуации в советской социологии (Здравомыслов 2006). Общая установка ЦК КПСС и Академии общественных наук при ЦК КПСС, вытекающая из обсуждения лекций Левады, может быть сформулирована следующим образом: социологию нужно держать на привязи; она не должна касаться тематики политического характера. Ее место — в прикладных науках, и во всяком случае социологические теории не должны выноситься на широкое обсуждение.

Так закончился первый социологический прорыв, о смысле которого было не принято говорить более 15 лет **. Но несмотря на разгром советской социологии в начале 1970-х гг. *** и на связанное с этим неизбежное преобразование поля социологии, связи сохранялись. Шестидесятые годы создали ресурс перестройки, который был задействован во второй половине 1980-х гг.

7. Современная ситуация в российской социологии

Современную ситуацию в социологии в России можно охарактеризовать следующим образом. Это:

а) Постоянная дискуссия о применимости западных теоретических конструкций к изучению российской действительности. Примерно такая же дискуссия проходила и в США во второй половине XIX в., когда распростра-

* Активную роль в обосновании перемен сыграли социологи Чехословакии (например П. Махонин). В эти же годы З. Бауман эмигрировал из Польши в Великобританию.

** В западной литературе зачастую можно найти более объективную оценку динамики российской социологии, чем в отечественной. См., например: Himmelstrand 2000.

*** Такая оценка ситуации в социологии после назначения директором ИКСИ АН М.Н. Руткевича дана в большей части интервью, опубликованных Г.С. Батыгиным в 1999 г. (Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999). Иная позиция выражена в интервью М.Н. Руткевича и Н.В. Пилипенко (Там же). Первый из этих авторов утверждает, что изгнание ведущих социологов из института «было predetermined более высокими инстанциями», а второй полагает, что кадровое обновление пошло на пользу ИКСИ АН. См. подробнее в журнале «Общественные науки и современность». 2006. № 1.

нение идей позитивной социологии О. Конта наткнулось на сопротивление протестантской ортодоксии. При этом заметим, что по мнению современных американских исследователей Конт был не единственным социальным мыслителем, чье влияние проникло за океан. Наряду с учением основоположника европейской социологии наблюдалось значительное влияние идей Г. Спенсера и Ч. Дарвина, Беатрисс и Сидни Веббов (фабианский социализм), немецкого историка фон Шмоллера, Дэвида Риккардо и Карла Маркса. *«Идеи всех этих авторов были переопределены с тем, чтобы они были соотнесены с американскими условиями, и в особенности с фундаментальными установками пуританской теологии, обращенными к мирским ценностям»* (Vidich 1985: 54).

Позиция невозможности использования «западной социологии» в России XXI столетия также имеет своим источником ортодоксию, опирающуюся на представление о самодостаточности российского социума, и смыкается с традициями славянофильства. Противоположная позиция исходит из того, что как в прошлом, так и в настоящем российская социальная мысль развивается в тесном контакте с идеями, которые разрабатываются в развитых европейских странах и США. Вместе с тем следовало бы признать, что *бытие России не получает ни в прошлом, ни в настоящем однозначной интерпретации: она есть и часть современного мира, и вместе с тем она представляет собой такую его часть, которая обладает, естественно, определенной самобытностью и своеобразием*. И указанное двойственное определение России не должно игнорироваться с позиций современного высокого социологического знания. Другая сторона напряженности, возникающей в социологическом сообществе, определяется тем, что в России, как и в каждой стране, где социология достаточно развита, конкурируют между собою интернационалистское и националистическое понимание социальной реальности. Любое событие, происходящее в жизни общества, может быть интерпретировано как с той, так и с другой точки зрения, причем эти точки зрения будут опираться на соответствующие традиции. Одна точка зрения будет опираться на состояние социологической мысли, достигнутое в современном мире, другая, как это явственно обнаруживается в современных дискуссиях первого десятилетия, на идеи «самобытности русского менталитета». При этом, как выясняется, в оборот вводятся арсенал идей министра просвещения николаевских времен С.С. Уварова и его несколько подновленных лозунгов «Самодержавия, православия, народности».

Сегодня социология во всем мире использует более или менее сходный категориальный аппарат, принятый в качестве общенаучного. Такие понятия, как системный подход и классовый анализ, сочетание теории и эмпирических данных, количественного и качественного подходов (методологические установки); социальное действие, структура и актор, стратификация и мобильность, трансформация и модернизация, господство и доминирование (структуралистские категории); потребности и интересы, ценности и нормы, смыслы и социальные роли, социальный конфликт, жизненный мир, социально-культурная травма, идентичность и доверие как ценность, обеспечи-

вающая стабилизационные процессы (мотивационные категории), — узнаваемая тематика современного теоретического дискурса в социологии.

На первый взгляд представляется, что это — единая проблематика для всего мира и всех стран. В определенном смысле слова — так оно и есть! Но... в то же время каждая из этих тем разворачивается в каждом обществе по-своему. И одна из наиболее серьезных опасностей становления социологического мышления состоит в игнорировании национального своеобразия развертывающихся в данной стране социальных процессов, в стремлении к генерализации, обуславливающей перенос понятийного аппарата из одного социально-исторического контекста в другой.

б) По сравнению с шестидесятью годами российская социология характеризуется гораздо большей дифференциацией как в обсуждении теоретических разработок, так и в эмпирических направлениях и поисках. Если в 1960-е гг. существовала проблема размежевания социологии с философией, то ныне аналогичная проблема возникла по отношению к политологии и культурологии, отделяющихся уже от самой социологии. Вместе с тем возникли весьма основательные теоретические построения, опирающиеся на собственные банки данных в виде экономической социологии, социологии управления, социологии национальных отношений, социологии образования, социологии науки, социологии девиантного поведения, социологии пространства, социологии регионов и т. д.

Постоянная тематика социологических исследований связана с изучением взаимоотношений власти, крупного капитала, бюрократии и населения на разных уровнях функционирования социетальной системы. Это направление дополняется микросоциологическими ориентациями в социологии, направленными на исследование повседневности и соответствующих форм общения*.

в) В постсоветский период все больший спрос получили практические направления социологии. Особое направление социологической деятельности связано с признанием и введением практики опросов населения и экспертных опросов по самым разнообразным сюжетам, включающим обоснованные рейтинги политических деятелей, социологическое обеспечение предвыборных кампаний, маркетинговые исследования рынка, организуемые по заказам заинтересованных структур. На этом поприще сформировались новые группы, в качестве их лидеров выступают представители разных поколений: М.К. Горшков, Е.И. Башкирова, Ю.А. Левада (1930–2007), А.А. Ослон и др. Они учатся на опыте собственных ошибок и используют инструментарий, который разработан для этих целей в современной мировой науке. Данные, полученные в этих опросах, имеют определенное практическое значение как инструменты сопоставления «спроса» на тот или иной «продукт» в условиях рыночной экономики. При этом в качестве «продукта» в современных условиях имеется в виду как реальный продукт материального производства, так и такой продукт, как «образ» политика. Принципиальной разницы при выявлении популярности и спроса с помощью массовых опросов не существует.

* См. например, посмертно вышедшую книгу: Козлова Н.Н. Советские люди: Сцены из истории. М.: Европа, 2005.

Разница может быть обнаружена при анализе способа формулировки самих вопросов, предлагаемых респонденту, и в способе интерпретации распределения ответов, получаемых в результате опросов.

Открытость и плюралистическая установка современной российской академической социологии означает, что идет напряженный творческий процесс переопределения доминирующих в мировой литературе теоретических направлений в социологии с тем, чтобы они приобретали значимость с точки зрения анализа российской социальной реальности в ее политическом, экономическом и культурном измерениях (Общая социология 2006)*. Этот процесс исключительно многогранен. Базовая предпосылка обозначенной тенденции состоит в понимании самой России как части современного мира, части, которая не может существовать и развиваться вне контекста целого.

Краткий анализ периодизации становления социологии в России позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, каждый из периодов органически связан со складывающейся в обществе политической ситуацией. Вопросы прерывности или непрерывности социологического знания в России нельзя рассматривать в отрыве от меняющегося политического контекста. Используя терминологию П. Бурдьё, можно сказать, что поле политики задает рамки формам социального мышления. Изменения политического климата в стране порождают этапы подъема и упадка социологического мышления. В российской политической истории не наблюдается феномена постоянной аккумуляции социологических идей, которая оказывается результатом длительного автономного существования социологии как профессии.

Во-вторых, два всплеска социологии, имевшие место в российской истории — 1920-е и 1960-е гг., не имеют между собою непосредственной связи: преемственности исследовательской тематики, сохранения кадров специалистов, устойчивости системы высшего образования и т. д.

В-третьих, в 1960-е гг. благодаря социологии был создан мощный потенциал конструктивной критики, который был «введен в действие» в годы перестройки.

В-четвертых, быстрое распространение социологического образования в стране привело в 1980-1990-е гг. к тому, что в то время как квалифицированные кадры насчитывались единицами, количество открывшихся мест для преподавателей — сотнями, количество обучающихся — тысячами (мы сознательно не принимаем во внимание количественные соотношения мест и сотрудников в академической науке). И эти весьма неблагоприятные пропорции оказались трудно преодолимыми.

В-пятых, в системе организации научной и педагогической деятельности в области социологии столкнулись между собой два принципа: первый может быть назван принципом профессиональной компетентности, второй — принципом сохранения устойчивости вновь созданных институтов (факультетов и кафедр). Конфликт на социологическом факультете МГУ между деканатом и группой студентов ОД, разгоревшийся в 2007 г., — прямое следс-

* Опыт такого рода имеется. См.: (Заславская 2004; Ядов 2006; Лапин 2006).

твие устойчивого доминирования второго принципа. Такое доминирование непосредственно сказывается на неизбежном в подобных условиях снижении качества образования. Борьба между этими принципами приобретает в каждой конкретной ситуации характер межгрупповой борьбы. При этом сторонники устойчивости иерархической системы обращаются главным образом к «националистическому» обрамлению собственных интересов, а сторонники принципа профессиональной компетентности — к интернациональному контексту своей профессии, поскольку критерии любого профессионализма находятся в современных условиях, как правило, за пределами национальных границ.

Литература

- Батыгин Г.С. Преимущество российской социологической традиции // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М., 1998.
- Батыгин Г.С. Предисловие // Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999.
- Берлин И. История свободы: Россия. М., 2001.
- Галактионов А.А. Русская социология XI–XX веков: Учебник. СПб., 2002.
- Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.
- Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 2–3. М., 1982.
- Герцен А.И. С того берега // ПСС: В 30 т.
- Заславская Т.И. Моя жизнь: воспоминания и размышления // Избранные произведения в 3 т. М., 2007.
- Заславская Т.И. Современное российское общество. М., 2004.
- Здравомыслов А.Г. Поле социологии: дилемма автономности и зависимости в российском контексте // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 5–20.
- Ионин Л.Г. Парадоксальный сон. М., 2005.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Научное послесловие Р.А. Медведева. М., 2004.
- Карпинский Л.В. Из рукописи «Слово есть дело» // Пресса в обществе. М., 2002. С. 558–576.
- Козер Л. Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2004.
- Козлова Н.Н. Советские люди: Сцены из истории. М., 2005.
- Лапин Н.И. Молодой Маркс. М., 1968.
- Лапин Н.И. Дящаяся история проекта // Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. М., 2005.
- Лапин Н.И. Общая социология: Учебное пособие. М., 2006.
- Общая социология: Хрестоматия / Под общ. ред. Н.И. Лапина. М., 2006.
- Общественные науки и современность. 2006. № 1.
- Стоппард Т. Берег утопии. М., 2006.
- Фирсов Б.М. История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб., 2001.
- Шубкин В.Н. Социологические мечтания // Насилие и свобода: Социологические очерки. М., 1996. С. 136–190.
- Ядов В.А. Мы все — самоучки в социологии // Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
- Himmelstrand U. Three faces in Russian Sociology: Surviving Intellectually as Sociologists in a Totalitarian Society // International Review of Sociology. 2000. Vol. 2.
- Science and sociology in Soviet society. Preface and part 1 / Ed. by G. Fischer. New York, 1967.
- Vidich A.J., Lyman S.M. American Sociology // Worldly Rejections of Religion and Their Directions. Yale University Press, 1985.